

РАДОСТЬ

Я не скучаю по детству, но мне не хватает того, как я получал удовольствие от маленьких вещей, даже когда большие вещи рушились. Я не мог контролировать мир, в котором находился, не мог уйти от вещей, людей или моментов, что причиняли мне боль, но я наслаждался вещами, которые делали меня счастливым.

Нил Гейман. Океан в конце переулка

Меня часто спрашивают, нравится ли мне моя работа. Ответ у меня всегда один: не скажу, что мне нравится каждый миг каждого дня моей жизни, но работу свою я люблю хотя бы раз в день ежедневно и потому считаю, что мне повезло. Обычно это чувство посещает меня в одиночестве где-нибудь на лестнице, по дороге к очередному пациенту. Оно совершенно

не связано ни с конкретным пациентом, ни с достижениями этого дня. Осознание того, что я нахожусь там, где нужно, — вот чувство, с которым я крепко подружилась. Каждая встреча с ним напоминает легкое дуновение ветерка, наполненного ароматом свежескошенной летней травы.

В контексте интенсивной терапии радость не всегда принимает привычные нам формы. Но она есть. Я это знаю, ведь моя работа слишком часто поднимает меня с постели в несусветную рань, и мне несложно оценить важность того, чем я занимаюсь. Тем не менее счастье, которое я испытываю, редко связано с какими-то неожиданными дарами судьбы. Оно не похоже на чувство, с которым слетаешь по лестнице рождественским утром, чтобы найти то, о чем мечтал. Его не испытываешь, получив награду, провернув сделку или заключив крупный контракт. Оно не приходит под звуки фанфар. Радость, найденная в простых мгновениях, для меня гораздо важнее. На работе я чаще всего радуюсь, когда наблюдаю за превратностями судеб своих пациентов и понимаю: хотя их борьба, скорее всего, продолжится и после выписки из нашего отделения, в конечном счете у большинства из них и правда «все будет хорошо». Пожалуй, это и делает меня счастливой.

На самом деле, многое из того, чему я радуюсь на своей работе, связано с чувством облегчения. Будни реанимации полны ужаса, а работать приходится в условиях такой неопределенности, что даже едва заметный шаг пациента на пути к выздоровлению может заряжать позитивом.

Однажды утром я стояла у постели пациента, которым уже занималась прежде. Впервые я увидела этого мужчину месяц назад — скрюченного, слишком рослого для больничной койки, с отвисшей челюстью и языком, побелевшим от инсульта. Рот человека, сраженного инсультом, напоминает распахнутый рот мертвеца: ни тот ни другой не способны его закрыть. Эта дыра, точно яма, зияет у всех на виду, и ее обладателю настолько безразлично собственное присутствие в этом мире, что она для него уже ничего не значит. Врачи легкомысленно называют это выражение лица «знаком О», свидетельствующим о том, что пациент, скорее всего, «отмаялся». Тогда, в мой предыдущий визит, его глаза, также распахнутые до предела, были исполнены муки, но абсолютно пусты, словно видели все — и в то же время не видели ничего. Кожа на ощупь была влажной, липкой и холодной. Этот ледяной, мистический пот словно просачивался из окоченевшего тела наружу. Я будто коснулась

человека, который вот-вот развалится на куски. Дикий ужас при виде того, кто лежит в таком состоянии сутками напролет, особенно важен в этом рассказе: я хочу, чтобы вы отчетливо поняли, что простое пожелание кому-нибудь спокойной ночи (даже тому, чье имя вы знаете лишь из медицинской карты) может со временем обернуться огромной радостью для вас самих.

И вот теперь, месяц спустя, я стою у той же постели и вижу, как эти глаза участвуют в обращенной ко мне улыбке. В их уголках образуются морщинки. Тонкие черточки, говорящие не только

Я мысленно говорю ему: «Спасибо за то, что ты поправляешься, за то, что сидишь в постели и улыбаешься мне вот так, как сейчас».

о том, что их хозяин был счастлив когда-то, но и о том, что, возможно, он счастлив прямо сейчас. Я беру пульт от телевизора, оставленный там, куда пациенту не дотянуться, и на прощание желаю ему спокойной ночи. По его взгляду я вижу: он знает, о чем я думаю. Слышит, как я мысленно говорю ему: «Спасибо за то, что ты поправляешься, за то, что сидишь в постели и улыбаешься мне вот так, как сейчас». Я вкладываю пульт в его пальцы — и чувствую их тепло.

По моему опыту, это не та радость, которой мы с коллегами часто делимся в ходе работы. Я могу сказать: «Как здорово, что Пол начал мочиться как следует; похоже, его почки приходят в норму». Но я не помню, чтобы хоть раз сказала вслух: «Сегодня я так радовалась при виде Пола; он совсем не похож на ту развалину, какой был еще месяц назад».

Подобными чувствами делиться не принято — не знаю почему. Особенно непонятно, почему это не принято у взрослых зрелых людей, которые в курсе того, как воспринимают человеческую жизнь врачи. Лучший же индикатор моих радостей в течение дня — это команда, в которой я работаю. Чувство локтя — залог успеха для любой команды экстренного режима. Как говорят врачи-консультанты, хочешь сбереечь свое счастье — думай, подбирая себе коллег, и цени их в процессе работы. Ведь именно с ними тебе придется делить такие эмоции, которые обычно приберегают лишь для семьи и лучших друзей.

Да, мне вряд ли придет в голову обсуждать с ними радость от того, как я улыбалась пациенту, но мы реально поддерживаем друг друга тысячами других способов. Никогда не забуду, как хлопнула дверь, выйдя из кабинета после особенно сложной и нервной беседы с семьей

пациента, — и увидела старшего врача, который поджидал меня с чашкой кофе и пирожным в руках. Он сказал мне: «Это тебе пригодится», — и принял на себя очередной вызов моего пейджера, чтобы я успела хоть чуть-чуть успокоиться. Кто как, а я для своего же блага стараюсь не забивать себе голову горестными и травмирующими событиями, предпочитая им воспоминания о поддержке и доброте моих коллег.

Многие полагают, что с большинством пациентов я выстраиваю некие особые отношения, чтобы потом использовать их симпатию в интересах лечения. Но, за редким исключением, то, что происходит между врачом и пациентом в реанимации, вряд ли можно называть «отношениями» в полном смысле этого слова. Очень трудно кому-то объяснить, как много может значить в твоей жизни судьба пациента, которого ты совершенно не знаешь как человека. Иногда пациенты возвращаются в реанимацию просто с визитом, чтобы вновь увидеть место, где все это с ними случилось. Огромная радость — оторвавшись от работы, вдруг увидеть где-нибудь в коридоре своего бывшего пациента, который теперь выглядит так здорово, что сразу и не узнать. Эта радость вырывается из моей груди теплой волной, превращаясь в улыбку у меня на губах. И тем не менее ча-

стенку при этой встрече мне приходится знакомиться с ними впервые. Я приветствую их как лучшее событие дня, даже если они понятия не имеют, кто я. Многие из таких пациентов никогда не узнают, сколько раз я склонялась над ними, о чем говорила от их имени с окружающими или как долго старалась сделать все, чтобы им помочь.

Я приветствую их как лучшее событие дня, даже если они понятия не имеют, кто я. Многие из таких пациентов никогда не узнают, сколько раз я склонялась над ними, о чем говорила от их имени с окружающими или как долго старалась сделать все, чтобы им помочь.

Хорошо помню вопли ужаса, которые издавала одна несчастная на койке в реанимации. Она завывала, как банши¹, от душевных мук и отчаяния, потому что ослабла настолько, что больше не могла сглатывать собственную слюну. Что говорить, для злости, криков и воя у нее были все основания. Удивительно, что другие пациенты в ее состоянии не делают

---

¹ Банши (англ. banshee, от ирл. bean sídhe, «женщина из Ши») — в кельтском фольклоре — фея-плакальщица. Принимает разные облики, от уродливой старухи до бледной красавицы, умеет летать. Оплакивая чью-нибудь смерть, издает пронзительные вопли, похожие на крики птиц, плач ребенка и волчий вой.

то же самое. Эта молодая женщина имела полное право проклинать мироздание за все, что оно сотворило с ней, и в то же время горячо молить, чтобы ей позволили снова стать его частью. В ночь, когда это началось, ее потусторонний вой растекался по всему отделению. Он затапливал все уголки моего мозга, и я приходила в ужас, но вовсе не от того, что испытывала то же самое. При всем сочувствии к ней я, конечно, даже представить себе не могла адской бездны ее отчаяния. Мой ужас проистекал из ощущения, будто я — некий страж, одна из ее мучителей. Одна часть меня не желала этого слышать потому, что я не могла избавить ее от страданий; другая же часть меня просто не желала этого слышать, и все. В конце концов ее успокоила медсестра, которая достала из кармана ароматизированный крем для рук и медленно растерла ей обе кисти.

А несколько месяцев спустя я бежала через приемный покой в неотложку, как вдруг та же самая медсестра окликнула меня:

— Ну что же вы, так и пройдете мимо?

Я остановилась, обернулась. И увидела молодую улыбающуюся женщину, которую держал за руку малыш, едва научившийся ходить. Она стояла передо мной, мать с ребенком, и лишь

через несколько секунд я узнала в ней ту пациентку, которой я так долго занималась. Пускай она едва запомнила меня как часть своего «путешествия», не важно. Почти всю нашу помощь она получала не в том состоянии, чтобы помнить вообще что-либо. Это не умаляло моей радости ее видеть.

Общение, которое я «разделяю» со своим пациентом, сам пациент зачастую вообще не разделяет со мной. Мое рабочее время состоит из несметного числа контактов и порождает целый ворох воспоминаний, которые просто не могут возникнуть в сознании другого человека. Часто эти воспоминания существуют только у меня в голове, и поскольку я ограничена только своей реальностью, я не могу сказать точно, во что именно они превратятся или что вообще означают. Поэтому я просто представилась этой женщине и сказала, что она замечательно выглядит. А потом собрала всю радость, которая так неожиданно попала этим утром у меня на пути, и проносила ее в себе до конца дня. Да, то была радость — и облегчение от того, что я получила еще одно воспоминание, чтобы унять один из тех ее душераздирающих криков.

В стихотворении «У колокола цель спрошу» Эмили Дикинсон написала: «И пусть звенят ко-